

Регулирование рисков потребителя при заключении и исполнении смарт-контракта¹

Аннотация. В статье анализируется правовое положение потребителя при заключении и исполнении смарт-контракта. Автор доказывает наличие для граждан специальных рисков, связанных с заключением и исполнением смарт-контракта. В частности, рассмотрены риск непонимания потребителем условий смарт-контракта, риск отличия условий смарт-контракта от условий договора, изложенных на естественном языке, риск включения в смарт-контракт условий, ущемляющих права потребителя (несправедливых договорных условий), а также особые проявления регуляторного и операционного рисков в отношении смарт-контракта. В настоящее время в Российской Федерации, как и в большинстве иностранных юрисдикций, отсутствуют специальные правовые механизмы, направленные на защиту прав потребителей от указанных рисков. Существующие же в российской юрисдикции «общие» механизмы защиты прав потребителей недостаточны. С учетом этого автором в отношении каждого риска предлагаются механизмы, направленные на минимизацию его реализации и негативного влияния на гражданина. Предложен следующий риск-ориентированный подход к регулированию отношений при заключении смарт-контракта с участием потребителя: гражданин может заключать сделки с использованием смарт-контракта при условии законодательного ограничения его потенциальных потерь по сделке (ограничения цены сделки) и введения предложенного в статье правового регулирования, направленного на минимизацию рассмотренных в статье рисков.

Ключевые слова: смарт-контракт; криптовалюта; слабая сторона договора; потребитель; риски; несправедливые договорные условия; риск-ориентированный подход; гражданин; цифровая экономика; цифровые финансовые активы.

Для цитирования: Чирков А. В. Регулирование рисков потребителя при заключении и исполнении смарт-контракта // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 11. — С. 180–189. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.180-189.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16203.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 18-29-16203.

© Чирков А. В., 2020

* Чирков Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры банковского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 ас.16495@gmail.com

Regulation of Consumer Risks when Concluding and Executing a Smart Contract²

Aleksey V. Chirkov, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer of the Department of Banking Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
ac.16495@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the legal status of the consumer when concluding and executing a smart contract. The author proves the existence of special risks for citizens associated with the conclusion and execution of a smart contract. In particular, the author considers the risk of a consumer's misunderstanding of the terms of a smart contract, the risk of a difference between the terms of a smart contract and the terms of a contract set forth in the natural language, the risk of including in a smart contract conditions that infringe on consumer rights (unfair contractual terms), as well as special manifestations of regulatory and operational risks in relation to a smart contract. Currently, in the Russian Federation, as in most foreign jurisdictions, there are no special legal mechanisms aimed at protecting consumer rights from these risks. The "general" mechanisms of consumer protection existing in the Russian jurisdiction are insufficient. Considering this, the author proposes mechanisms for each risk aimed at minimizing its implementation and negative impact on the citizen. The following risk-oriented approach to regulating relations when concluding a smart contract with the participation of a consumer is proposed. A citizen can conclude transactions using a smart contract subject to legislative limitation of his potential losses under a transaction (limiting the transaction price) and the introduction of the proposed legal regulation aimed at minimizing the risks discussed in the paper.

Keywords: smart contract; cryptocurrency; weaker party to the contract; consumer; risks; unfair contractual terms; risk-based approach; citizen; digital economy; digital financial assets.

Cite as: Chirkov AV. Regulirovanie riskov potrebitelya pri zaklyuchenii i ispolnenii smart-kontrakta [Regulation of Consumer Risks when Concluding and Executing a Smart Contract]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(11):180-189. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.180-189. (In Russ., abstract in Eng.).

Закон должен быть справедлив. Строго ограждая права всех, он вместе с тем должен обращать особое внимание на интересы слабых, беспомощных, словом, всех тех, кто по личному или имущественному положению нуждается в особенной защите закона.

И. М. Тютрюмов, русский юрист-цивилист, сенатор, член Государственного совета

Введение

В настоящее время проекты, связанные с использованием технологии блокчейн (от англ. blockchain — цепочка блоков), перестают быть нишевыми экспериментами и постепенно гото-

вятся для запуска в гражданский оборот, в том числе крупнейшими российскими компаниями³. В частности, некоторые привычные гражданам услуги и сервисы предлагается оказывать с использованием смарт-контрактов⁴. Как представляется, такая тенденция будет только уси-

---

³ См., например: ЦБ одобрил блокчейн-проект «Норникеля» для токенизации продукции // ТАСС. 17.02.2020. URL: <https://www.tass.ru/ekonomika/7777119> (дата обращения: 30.06.2020).

⁴ См., например: Умный контроль. Зачем нужны смарт-контракты // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5d6f8f929a79476e3810f01e> (дата обращения: 01.06.2020).

ливаться в связи с вступлением в силу с 1 января 2021 г. соответствующего законодательного регулирования⁵.

С учетом этого видится актуальным вопрос разработки правовых механизмов защиты участников отношений, возникающих при заключении и исполнении смарт-контрактов. Как и в случае с другими новыми и сложными для понимания явлениями, со смарт-контрактами наибольшим рискам подвержены граждане-потребители, не обладающие специальными знаниями, требуемым уровнем компьютерной грамотности и не имеющие релевантного опыта. Полагаем, именно такие «неквалифицированные» потребители нуждаются в особой защите закона при внедрении в гражданский оборот смарт-контрактов.

Для целей единого понимания описываемых явлений представляется важным определиться с содержанием используемых в настоящей статье понятий.

И в российской⁶, и иностранной литературе⁷ смарт-контракт часто рассматривают и в качестве программного кода, и как юридическое отношение. Для целей настоящей статьи под смарт-контрактами будут пониматься «зафиксированные в виде компьютерных кодов соглашения, которые при наступлении определенных в таких соглашениях условий могут автоматически исполняться без каких-либо дополнительных действий со стороны контрагентов»⁸. Отдавая

себе отчет в возможности различного понимания категории «потребитель»⁹, для целей настоящей статьи будем ориентироваться на легальное определение. Так, в соответствии с Законом РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹⁰ «потребитель — гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности».

В целом в российской юрисдикции существует, с нашей точки зрения, достаточно адекватная система защиты прав потребителей. Она включает в себя специальные права и гарантии для граждан, учитывает известные диспропорции в отношениях с потребителем¹¹ и иные особенности его статуса. Вместе с тем заключение и исполнение смарт-контрактов несет в себе и определенные специфические риски для потребителей, защита от реализации которых еще не нашла должного отражения в позитивном регулировании.

Не ставя задачи разработки полной классификации таких рисков, обратим внимание на те из них, которые, по нашему мнению, наиболее значимы для потребителя с точки зрения последствий их реализации, и предложим возможные решения по минимизации их негативного влияния на граждан.

⁵ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

⁶ См., например: *Ефимова Л. Г., Сизимова О. Б.* Правовая природа смарт-контракта // *Банковское право*. 2019. № 1. С. 23–30.

⁷ См., например: *Whitepaper: Smart Contracts and Distributed Ledger — A Legal Perspective*. ISDA. Linklaters, 2017. Рр. 4–5.

⁸ Цит. по: *Засемкова О. Ф.* О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов // *Lex russica*. 2020. № 4. С. 9.

⁹ См., например: *Защита прав потребителей финансовых услуг : монография / М. Д. Ефремова, В. С. Петрищев, С. А. Румянцев [и др.] ; отв. ред. Ю. Б. Фогельсон*. М. : Норма, Инфра-М, 2010.

¹⁰ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

¹¹ Подробнее об информационной, договорной и процессуальной диспропорции см., например: *Вишневецкий А. А.* Современное банковское право : Банковско-клиентские отношения : сравнительно-правовые очерки. М. : Статут, 2013.

1. Регуляторный риск

Указанный риск связан с тем, что в большинстве юрисдикций — за отдельными исключениями¹² — отсутствует позитивное правовое регулирование отношений, возникающих в связи с заключением и исполнением смарт-контракта. Высокая вероятность установления специальных правил в этой сфере (на уровне отдельных государств или наднационального характера), в том числе обладающих обратной силой, создает неопределенность для отношений с участием потребителей.

Указанный риск связан и с возможностью возникновения трансграничных отношений при заключении смарт-контракта (например, для сделки между лицами, личный закон которых не будет одинаковым). В указанной ситуации особенно важным будет вопрос выбора применимого права.

Как справедливо отмечает М. В. Мажорина, данный вопрос во многом сводится к спору среди экспертов киберправа (cyberlaw) относительно того, нужна ли (возможна ли) автономная правовая юрисдикция киберпространства или законы отдельных государств могут быть приспособлены для обеспечения регулирования глобальной информационной инфраструктуры¹³.

Более того, необходимо признать, что в некоторых ситуациях законы отдельных государств (особенно тех, где проживает незначительное количество потребителей услуг соответствующего юридического лица) в принципе могут не соблюдаться: организации проще прекратить оказывать услуги гражданам соответствующего государства¹⁴.

В данном случае, как представляется, риск для потребителей может быть минимизирован лишь после введения соответствующего регулирования. Оно может быть выработано либо в сильнейших юрисдикциях, право которых наиболее часто выбирается в качестве применимого крупнейшими IT-компаниями (в частности, США), либо после установления наднациональных правил в этой сфере, которые будут в том или ином виде имплементированы отдельными государствами.

2. Риск непонимания потребителем условий смарт-контракта

С точки зрения программистов, смарт-контрактом является фрагмент кода, запрограммированный для осуществления определенных задач в случае выполнения некоего предопределенного условия¹⁵. При этом его исполнимость с технической точки зрения не зависит от наличия дублирования условий контракта на естественном языке. И в этом смысле вовсе необязательно дублировать волю сторон, выраженную в смарт-контракте, каким-либо еще образом.

На наш взгляд, возможны как минимум два подхода к подтверждению ознакомления и понимания условий смарт-контракта сторонами. Первый — юридическая фикция в виде презумпции понимания условий смарт-контракта каждым лицом, его заключившим. Такой подход реализован, в частности, в Декрете Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики». Указанный акт предусматривает, что лицо, совершившее сдел-

¹² См., например, опыт Республики Беларусь: Belarus Enacts Unique Legal Framework for Crypto Economy Stakeholders», Deloitte CIS. 2017-12-2 // URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/tax/lt-in-focus/english/2017/27-12-en.pdf> (дата обращения: 03.05.2020).

¹³ Мажорина М. В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // Lex russica. 2019. № 2. С. 107–120.

¹⁴ Например, сервис LinkedIn прекратил работу на территории Российской Федерации после введения требования о хранении персональных данных граждан Российской Федерации на территории Российской Федерации (см.: URL: <https://mediavektor.org/9297-cherез-15-dney-v-rossii-prekratit-rabotu-linkedin.html> (дата обращения: 30.04.2020)).

¹⁵ ISDA Linklaters Whitepaper: Smart Contracts and Distributed Ledger — A Legal Perspective. August 2017. Pp. 5–6.

ку с использованием смарт-контракта, считается надлежащим образом осведомленным о ее условиях, в том числе выраженных программным кодом, пока не доказано иное¹⁶. При этом бремя доказывания в такой конструкции возлагается на истца.

Второй подход — обязательное дублирование изложенных в смарт-контракте условий договора на естественном языке. Такое требование, безусловно, создает дополнительные издержки для сторон и должно быть обосновано для тех случаев, в которых оно вводится. Полагаем необходимым согласиться с позицией Е. Е. Богдановой о том, что в смарт-контрактах с участием потребителей должна быть обеспечена возможность распечатывания и хранения полного текста соглашения¹⁷ (на естественном языке. — А. Ч.). Использование второго подхода видится обоснованным по двум причинам. Во-первых, уровень компьютерной грамотности среднего потребителя не позволит ему понять условия смарт-контракта, изложенные в виде программного кода. Во-вторых, наличие соглашения на естественном языке упрощает судебную защиту нарушенных прав потребителя, поскольку не потребует предварительного «перевода» кода смарт-контракта на естественный язык.

Таким образом, риск непонимания смарт-контракта потребителем может быть нивелирован после закрепления в качестве обычая делового оборота или статутного требования нормы об обязательном дублировании условий смарт-контракта на естественном языке.

Однако такой подход влечет за собой возникновение еще одного риска.

3. Риск отличия условий смарт-контракта от условий договора, изложенных на естественном языке

Такое различие в условиях может возникнуть как из-за технической ошибки (особенно если перевод кода на естественный язык происходит на уровне компьютерной программы), так и из-за злого умысла одной из сторон. Вне зависимости от причин расхождения в данном случае возникает вопрос: какой из вариантов изложения — смарт-контракт в виде программного кода или договор на естественном языке — обладает большей юридической силой и должен применяться?

Ответить на данный вопрос в отношении с участием потребителей, как представляется, можно на основании толкования условий договора *contra proferentem*¹⁸. То есть должны применяться договорные условия, наиболее благоприятные для присоединившейся к смарт-контракту стороны и наименее благоприятные (выгодные) для разработчика смарт-контракта. Риск ошибки программного кода (в случае автоматического перевода смарт-контракта на естественный язык) также, по нашему мнению, должен быть возложен на разработчика смарт-контракта.

Необходимо учитывать, что здесь могут быть определенные особенности толкования договора *contra proferentem*. Во-первых, такое толкование в судебном порядке потребует привлечения к процессу лиц, обладающих специальными знаниями, для перевода программного кода на естественный язык (именно этот текст, вероятно, будет «итоговым» для суда). Во-вторых, принцип толкования будет применяться не только в связи с неясностью действительной воли сторон, но и при ее однозначном изложении, но несовпадении в разных способах изложения смарт-контракта.

¹⁶ URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716 (дата обращения: 02.05.2020).

¹⁷ Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // *Lex russica*. 2019. № 7. С. 108–118.

¹⁸ Указанный принцип толкования достаточно активно применялся еще в римском праве, см. подробнее: *Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition*. Oxford, 1990. Pp. 239–240.

С учетом развития технологий и применения смарт-контрактов в том числе небольшими организациями (стартапами) может возникнуть вопрос о справедливости и об обоснованности наложения таких «санкций» на разработчиков смарт-контрактов. С нашей точки зрения, такой подход обоснован, поскольку, как отмечалось в научной литературе, «санкции должны налагаться на того, кто контролирует процесс разработки договорных условий и может предотвратить риск неопределенности текста с меньшими транзакционными издержками. Именно разработчик является тем лицом, которому данный риск предотвратить проще всего»¹⁹.

В рассматриваемом вопросе есть еще один немаловажный практический аспект: кто и каким образом может выявить расхождение текста смарт-контракта и его версии на естественном языке?

Очевидно, что в данном случае — как и в сфере договорных правоотношений в целом — контроль договорных условий будет осуществляться преимущественно *ex post*. Вероятно, в большинстве случаев — в судебном порядке по требованию потребителя, чьи ожидания от исполнения смарт-контракта, сформированные после прочтения его текста на естественном языке, не были оправданы. Однако, учитывая невысокий уровень компьютерной грамотности среднего потребителя, вряд ли можно ожидать значительного числа подобных исков.

С учетом изложенного цель защиты прав потребителей при отличии условий смарт-контракта от условий договора, изложенных на естественном языке, вряд ли может быть достигнута одним лишь толкованием.

Как представляется, возможен и другой способ защиты интересов потребителей в рассматриваемой

ситуации. В частности, возложение обязанности предварительной проверки и подтверждения идентичности условий смарт-контракта условиям, изложенным на естественном языке, на третье лицо. Таким лицом может быть, например, уполномоченный государственный орган. Конечно, подобная проверка может проводиться только по инициативе стороны-разработчика смарт-контракта, который может иметь к этому определенные экономические стимулы (например, специальные налоговые льготы по доходам по таким смарт-контрактам). Кроме того, это имеет смысл только в отношении типовых, многократно применяемых «шаблонов» смарт-контрактов, заключаемых с потребителями.

Очевидно, такое предложение требует тщательной оценки его регулирующего воздействия на всех участников данной процедуры, а его реализация видится невозможной без специальных знаний (компетенций) соответствующего третьего лица (государственного органа), которому могли бы доверять участники гражданского оборота.

Вместе с тем функция оценки программного кода не является чем-то принципиально новым для государственных органов. Например, Банк России уже проводит оценку механизма функционирования компьютерных программ в рамках аккредитации программ для электронных вычислительных машин, посредством которых осуществляется предоставление индивидуальных инвестиционных рекомендаций²⁰.

Еще одним вариантом решения данного вопроса может быть установление требований к форме изложения программного кода смарт-контракта по аналогии с требованиями к изложению отдельных договоров на естественном языке²¹. Однако представляется, что реа-

¹⁹ Цит. по: *Капатов А. Г.* Contra proferentem как метод толкования договора // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 6–35.

²⁰ Данная процедура урегулирована указанием Банка России от 27.11.2018 № 4980-У «О порядке аккредитации программ для электронных вычислительных машин, посредством которых осуществляется предоставление индивидуальных инвестиционных рекомендаций» // Вестник Банка России. № 13. 26.02.2019.

²¹ См., например, требования к табличной форме кредитного договора: Directive 2008/48/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2008 on credit agreements for consumers and repealing Council Directive 87/102/EEC // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2008/48/oj> (дата обращения: 02.05.2020).

лизация такого требования не сможет сама по себе обеспечить понимание условий договора потребителями, не обладающими специальными знаниями в области программирования.

Таким образом, закрепление правил толкования смарт-контрактов совместно с одним из иных предложенных механизмов, как представляется, снизит риски потребителя при расхождении условий смарт-контракта с условиями договора, изложенными на естественном языке.

4. Риск включения в смарт-контракт условий, ущемляющих права потребителя (несправедливых договорных условий)

В рамках настоящей работы под несправедливыми договорными условиями будут пониматься условия, которые вызывают значительное несоответствие в правах и обязанностях сторон, вытекающих из договора, в ущерб стороне договора, в нарушение требований добросовестности²².

Поскольку исследование вопросов защиты потребителя от несправедливых договорных условий в целом не является нашей целью, обратим внимание лишь на одну практическую сложность, связанную с *ex post* контролем условий смарт-контракта.

В настоящее время во многих правовых порядках имплементированы²³ специальные нормы, предусматривающие корректировку (исправление) несправедливых договорных условий преимущественно в судебном порядке. Указанный подход неизбежно связан с признанием недействительными или изменением отдельных условий договора с потребителем.

Вместе с тем, как отмечалось в литературе, смысл использования блокчейна для смарт-контрактов состоит в обеспечении неизменности

программного кода и условий «если, то» благодаря децентрализации²⁴. Указанная особенность создает технические сложности изменения условий смарт-контракта. Данная проблема обозначалась и в Thirteenth Program of Law Reform²⁵ (п. 2.39).

Представляется, что один из вариантов решения данного вопроса может быть связан с определением источника регулирования соответствующих отношений. В частности, смарт-контракт может применяться для их регулирования до тех пор, пока иное их регулирование не установлено судом (в том числе и в случае признания соответствующих условий смарт-контракта недействительными). В такой ситуации стороны будут обязаны исполнить решение суда одним из двух способов. Первый — заключить на основании судебного решения новый смарт-контракт, правовой целью которого будет обеспечение исполнения решения суда. Второй способ — совершить иные юридически значимые действия без «перезаключения» смарт-контракта. Он в таком случае будет применяться в части, не противоречащей судебному решению (это потребует соответствующего технического решения по предварительной фиксации такой возможности в компьютерном коде).

Еще одним способом защиты интересов потребителей от несправедливых договорных условий может быть подход, аналогичный описанному в п. 3 настоящей статьи. В рамках такого подхода на третье лицо, например на уполномоченный государственный орган в области защиты прав потребителей, может быть возложен *ex ante* контроль условий смарт-контракта. В данном случае также применим узкий круг таких договоров и оговорки, изложенные в предыдущем пункте.

Примечательно, что реализация указанного предложения в отдельных случаях позволит

²² Council Directive 93/13/EEC of 5 April 1993 on Unfair Terms in Consumer Contracts. Art. 3 // Official Journal of the European Union. L 095. 21.04.1993. Pp. 29–34.

²³ Council Directive 93/13/EEC of 5 April 1993.

²⁴ Привод. по: Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2.

²⁵ Thirteenth Program of Law Reform. Law Com No. 377 // URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/668113/13th-Programme-of-Law-Reform.pdf.

обеспечить уровень защиты потребителей, заключающих смарт-контракты, даже выше, чем в аналогичных договорах, заключаемых на естественном языке (поскольку в отношении них не проводится ex ante контроль их условий). Такое отличие представляется оправданным, поскольку смарт-контракты в настоящее время достаточно новое явление и несут в себе повышенные риски нарушения прав потребителей.

5. Операционный риск

Операционный риск в рассматриваемой сфере, по мнению Банка России, связан с тем, что программный код может содержать ошибки, устранить которые будет сложнее из-за взаимосвязи различных элементов друг с другом в рамках распределенного реестра. Кроме того, исполнение смарт-контракта привязано к внешним событиям (например, достижение цен на акции определенного значения), о которых может поступить некорректная или недостоверная информация²⁶. Кроме того, операционный риск будет присущ и деятельности контрагента потребителя.

Как представляется, с учетом изложенных выше вопросов выработать специальное регулирование операционных рисков при заключении смарт-контрактов, а тем более обеспечить комплексный надзор за исполнением и соблюдением соответствующих правил на текущем этапе может быть весьма затруднительно — как с технической, так юридической точек зрения. В таких условиях может быть введено регулирование, направленное на ограничение потерь потребителя. Например, может быть установлено, что смарт-контракт может заключаться только по таким сделкам, цена которых не превышает сумму, эквивалентную 1 000 долл. США²⁷. Такой подход, с одной стороны, огра-

ничит максимальные потенциальные потери потребителя и не позволит заключать с использованием смарт-контрактов крупные, нерегулярные в жизни потребителя сделки (например, куплю-продажу недвижимости). С другой стороны, предложенное решение не внесет значимых ограничений в гражданский оборот и позволит обеспечить участие потребителей в сделках, совершаемых ими регулярно и на относительно небольшие суммы (например, получение различных бытовых услуг).

Выводы

В настоящее время в Российской Федерации, как и в большинстве иностранных юрисдикций, отсутствуют специальные правовые механизмы, направленные на защиту прав потребителей при заключении и исполнении смарт-контрактов.

Это обстоятельство, по нашему мнению, не должно служить основанием для безусловного запрета гражданину быть стороной по сделке, заключаемой с использованием смарт-контракта. С точки зрения необходимого баланса между обеспечением защиты прав потребителей и развитием цифровой экономики обоснованным видится использование риск-ориентированного подхода. Этот подход в данном случае может быть сформулирован следующим образом: гражданин может заключать сделки с использованием смарт-контракта при условии ограничения его потенциальных потерь по сделке (ограничения максимальной цены сделки) и введения правового регулирования, направленного на минимизацию рассмотренных в настоящей статье рисков. До установления соответствующих правил заключение потребителями сделок с использованием смарт-контрактов в российской юрисдикции нежелательно, поскольку потенциальные потери от таких сделок,

²⁶ Аналитический обзор Центрального банка Российской Федерации «Смарт-контракты» // URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/47862/SmartKontrakt_18-10.pdf (дата обращения: 03.04.2020).

²⁷ Указанная сумма предложена путем экспертной оценки. Она может различаться в зависимости от юрисдикции (и среднего размера дохода домохозяйств в соответствующей юрисдикции), а также может быть изменена по итогам анализа цены типовых сделок, заключаемых с использованием смарт-контрактов.

как представляется, превышают возможные выгоды для граждан.

Полагаем, реализация предложенных мер по минимизации обозначенных выше рисков будет способствовать обеспечению защиты прав потребителей и формированию их уверенно-

сти в стабильности и безопасности отношений, возникающих при заключении и исполнении смарт-контрактов.

Это, в свою очередь, является необходимым условием для развития цифровой экономики в России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Богданова Е. Е.* Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // *Lex russica*. — 2019. — № 7. — С. 108–118.
2. *Вишневецкий А. А.* Современное банковское право : Банковско-клиентские отношения : сравнительно-правовые очерки. — М. : Статут, 2013. — 349 с.
3. *Ефимова Л. Г., Сиземова О. Б.* Правовая природа смарт-контракта // *Банковское право*. — 2019. — № 1. — С. 23–30.
4. *Засемкова О. Ф.* О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов // *Lex russica*. — 2020. — № 4. — С. 9–20.
5. Защита прав потребителей финансовых услуг : монография / М. Д. Ефремова, В. С. Петрищев, С. А. Румянцев [и др.] ; отв. ред. Ю. Б. Фогельсон. — М. : Норма, Инфра-М, 2010. — 368 с.
6. *Карпетов А. Г.* Contra proferentem как метод толкования договора // *Вестник ВАС РФ*. — 2013. — № 7. — С. 6–35.
7. *Мажорина М. В.* Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // *Lex russica*. — 2019. — № 2. — С. 107–120.
8. *Федоров Д. В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // *Вестник гражданского права*. — 2018. — № 2. — С. 30–74.
9. Belarus Enacts Unique Legal Framework for Crypto Economy Stakeholders // *Deloitte CIS*. 2017-12-2-9 p.
10. ISDA Linklaters Whitepaper: Smart Contracts and Distributed Ledger — A Legal Perspective. — August 2017. — 23 p.
11. *Linardatos D.* Smart Contracts — einige klarstellende Bemerkungen // *K&R*. — 2018. — Pp. 85–92.
12. Standard Contract Terms in Europe: A Basis for and a Challenge to European Contract Law / Ed. by H. Collins. — 2008. — 308 p.
13. *Zimmermann R.* The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. — Oxford, 1990. — 1301 p.

Материал поступил в редакцию 16 сентября 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bogdanova E. E. Problemy primeneniya smart-kontraktov v sdelkah s virtual'nym imushchestvom // *Lex russica*. — 2019. — № 7. — S. 108–118.
2. Vishnevskij A. A. Sovremennoe bankovskoe pravo : Bankovsko-klientskie otnosheniya : sravnitel'no-pravovye ocherki. — M. : Statut, 2013. — 349 s.
3. Efimova L. G., Sizemova O. B. Pravovaya priroda smart-kontrakta // *Bankovskoe pravo*. — 2019. — № 1. — S. 23–30.
4. Zasemkova O. F. O sposobah razresheniya sporov, vznikayushchih iz smart-kontraktov // *Lex russica*. — 2020. — № 4. — S. 9–20.

5. Zashchita prav potrebitelej finansovyh uslug : monografiya / M. D. Efremova, V. S. Petrishchev, S. A. Rummyancev [i dr.] ; otv. red. Yu. B. Fogel'son. — M. : Norma, Infra-M, 2010. — 368 s.
6. Karapetov A. G. Contra proferentem kak metod tolkovaniya dogovora // Vestnik VAS RF. — 2013. — № 7. — S. 6–35.
7. Mazhorina M. V. Cifrovye platformy i mezhdunarodnoe chastnoe pravo, ili Est' li budushchee u kiberprava? // Lex russica. — 2019. — № 2. — S. 107–120.
8. Fedorov D. V. Tokeny, kriptovalyuta i smart-kontrakty v otechestvennyh zakonoproektah s pozicii inostrannogo opyta // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2018. — № 2. — S. 30–74.
9. Belarus Enacts Unique Legal Framework for Crypto Economy Stakeholders // Deloitte CIS. 2017-12-2–9 p.
10. ISDA Linklaters Whitepaper: Smart Contracts and Distributed Ledger — A Legal Perspective. — August 2017. — 23 p.
11. Linardatos D. Smart Contracts — einige klarstellende Bemerkungen // K&R. — 2018. — Pp. 85–92.
12. Standard Contract Terms in Europe: A Basis for and a Challenge to European Contract Law / Ed. by H. Collins. — 2008. — 308 p.
13. Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. — Oxford, 1990. — 1301 p.